



***Никифорова Стелла Владимировна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

ПОВЕРЬТЕ - ЭТО ОЧЕНЬ СТРАШНО...

О многом думается длинными бессонными ночами. Вспоминаются страхи и ужасы, нечастые радости и удачи, мгновения счастья. Сквозь толщу прожитых лет прошедшее воспринимается четко и ясно, но как-то отстраненно, как будто все это происходило не с тобой, как будто смотришь на себя со стороны. Но почему же так радостно или больно именно твоему сердцу?

Бессонные ночи... Вспоминается мне тихий новогодний вечер на израненной брянской земле; мой первый послевоенный праздник, обернувшийся для меня совсем не праздничной стороной.

... В большом детдомовском зале стоит елка, украшенная дивными бумажными игрушками. Вокруг нее веселятся дети, танцуют, поют. Для многих, как и для меня, это первая в жизни елка, первый настоящий праздник. Послевоенные зимы были очень суровыми, морозными, многоснежными. В зале топилась печь. Устав от непривычного веселья, я уселась у печки и, приоткрыв дверцу, стала любоваться на весело потрескивающий огонь. И вдруг я отчетливо поняла, что вот так же, как эти поленья, горела моя мама. Я закричала от охватившего меня ужаса. Подбежавшая воспитательница не могла понять, в чем дело. А я не владела собою, не в силах была что-то объяснить. Могла только кричать и плакать, сознавая одно: мамы нет, и уже никогда не будет. И никто не может мне

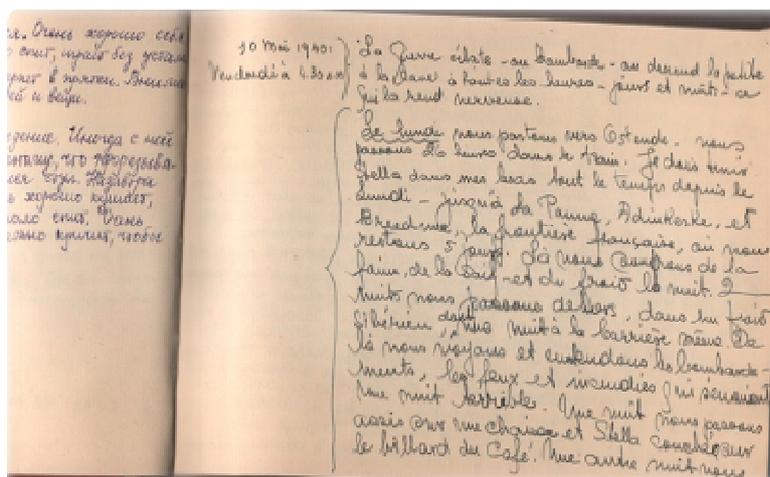
помочь, облегчить мои страдания. Этот день был самым страшным днем в моей жизни.

С тех пор ни один праздник не обходился без слез. Забившись в уголок, я потихоньку плакала. Горе мое было так велико, что я не в силах была кому-то об этом рассказать. Меня бы, вероятно, поняли, но ... я не могла. Наплакавшись, я шла к детям и веселилась. И все-таки где-то в глубине души сидела, как заноза, печаль, и никогда не могла я отдаться веселью целиком.

Родители мои были испанскими эмигрантами. Когда в Испании пришли к власти фашисты, они уехали в Бельгию. Там, в городе Антверпене, я и родилась в июле 1939 года. Мне не было и года, когда началась война в Бельгии. Вот как пишет о наших мытарствах в своем дневнике моя мама.

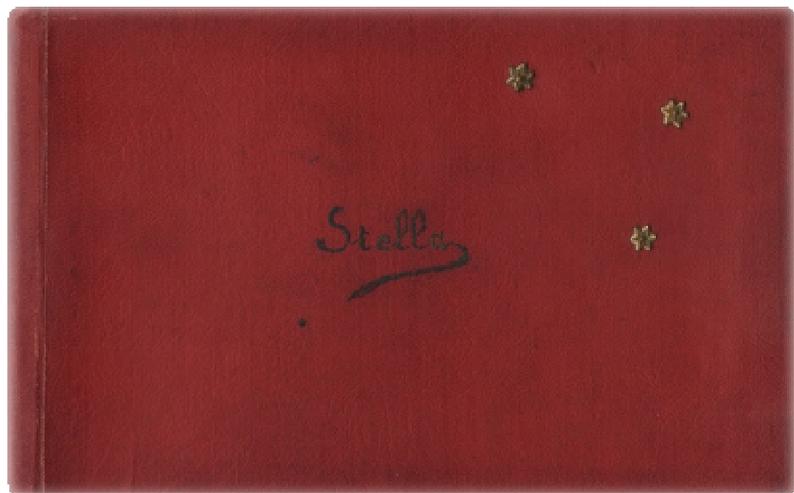
10 мая 1940, пятница,
4.30.

«Разражается война, бомбардируют. Спускаем малышку в убежище в любой час дня и ночи. Она становится нервной. В понедельник мы уезжаем в



сторону Остенде, 26 часов мы проводим в поезде. Всё время, начиная с понедельника, я вынуждена держать Стеллу на руках до Ля Пэн на французской границе, где мы остаемся 5 дней. Там мы страдаем от непогоды, жажды и ночного холода. Две ночи мы находимся на дворе в сибирском холоде, из них одна ночь – на заставе. Отсюда видна и слышна бомбежка. Огни пожаров. Страшная ночь. Одну ночь мы проводим, сидя на стуле в кафе. Другую ночь мы проводим на соломе в гумне. Невозможно так, как положено, кормить Стеллу – она почти ничего не ест. Невозможно ни купать, ни ухаживать за ней. Нет также бутылочек. Мы находим какое-то помещение, где я смогу ухаживать понемногу за Стеллой, но не купать. В течение 3 недель она не сможет купаться. Она кушает смесь, от этого она хорошо себя чувствует. Страдает от насморка и кашля, но принимает сироп

от кашля, который помогает. Бомбежка становится все более тяжелой. Мы остаемся несколько дней там, возможно 8. Англичане отступают, и страшная бомбежка длится более 14 часов. Она начинается в 5 часов и длится непрерывно всю ночь. Это кошмар. Снаряды свистят. Они несут смерть и разрушение. Самолеты также сбрасывают бомбы. Мы все спустились в кухню в



погреб. Мама и я сидим на лестнице. Стелла у меня на руках. Каждый раз, когда снаряд с шумом падает, она подпрыгивает и начинает плакать. Я вынуждена постоянно успокаивать ее. Она беспокойна, постоянно двигается. Окна дрожат, некоторые ломаются, и

выпадают стекла. Вокруг нас везде падают бомбы. Мы сжимаем зубы и ждем смерти. Когда настает утро, видны опустошения городка. Мы уезжаем после обеда, когда возвращаются немцы. Купили старую коляску для Стеллы и, прикрепив к ней чемоданы, тронулись в путь. Мы шли 3 дня. В первую ночь мы помещались в германском Красном Кресте. Вторую – в здании Общества фермеров. Третью – у добрых людей, у которых было 7 детей. Там я смогла мало-мальски поухаживать за Стеллой, вымыть ее бутылочки, подогреть ее молоко, которое она пила холодным, пока мы пересекали Фландрию. И мы вернулись в среду 5 июня после 3 недель бедствий. Стелла была немного нервной, была грязной, был насморк, но в основном была здоровой.»

Дневник моей мамы тоже имеет свою историю. Он был накануне нашего ареста вместе с некоторыми дорогими мелочами спрятан друзьями семьи, закопан в землю. И только после войны извлечен оттуда. Дневник целиком посвящен мне, хоть он и невелик. Маме казалось, что лучше, красивее, умнее ее милой Стеллы нет никого на свете. Это свойственно всем матерям. Вот одна из последних ее записей.

27 июля 1941 года.

«Сегодня мы отметили день рождения Стеллы. Это удивительно. У нее был замечательный день, несмотря на войну. Стелла сидела вместе со взрослыми за столом, ела торт и пила сладкую водичку, получая большое удовольствие от двух горящих свечей на праздничном торте.

2 года – маленькая девочка, но уже не бэби. Умная, сообразительная, помнит слово, услышанное давно – удивительная память. Говорит быстро, но не совсем четко. У нее привлекательное лицо: огромные темно-карие глаза так глубоки и умны. У нее необыкновенные черные ресницы, милый маленький носик, ротик и подбородок. У нее красивые, блестящие, вьющиеся волосы, спадающие уже с плеч. Все больше и больше проявляется ее сильная воля. Ее невозможно заставить, можно лишь убедить. Она очаровательна и неугомонна, иногда озорная, устраивает различные проказы. Она добрая, никогда не поступает плохо из-за упрямства. О, милая, дорогая девочка, иногда импульсивная, но никогда не надоедливая!»

Мама писала так, будто знала, что больше никогда не увидит своей девочки... Жизнь, вероятно, была нелегкой, но я тогда об этом еще не знала. Запомнилось только, как однажды отец, поставив меня на табурет, сказал: «Помни, если что случится, тебя зовут Стелла...» Отец, вероятно, чувствовал, что его арестуют, могут арестовать. А я тогда, кроме своего имени, к сожалению, ничего не запомнила. Зато день нашего ареста помню так хорошо, как будто это было вчера. Стоял яркий солнечный день, и мы ждали папу к обеду. Помню даже, что на обед было картофельное пюре. Мы с мамой начали волноваться и вышли на улицу. В это время к нашему дому подъехала темная машина, и нам приказали собираться. Быстро посадили в машину и куда-то повезли. Помню камеру в тюрьме, битком набитую людьми. Было очень душно, плакали маленькие дети. Как я узнала позже, арестовали 60 мужчин, обвиненных в саботаже, и их семьи. Сейчас я по справкам знаю, что мы сначала были в гестаповской тюрьме, а потом уже в концлагере Мехелен (по-французски «Малин»). А вообще его называли «Бельгийский Освенцим», потому что оттуда в основном всех увозили в Освенцим и в большинстве своем уничтожали. Я потом была в музее: там, самое большее, из 1000 оставалось в живых 30 человек, а бывало, что не более 3 человек...

Мамы со мной не было. После пережитых испытаний она тяжело заболела, и ее поместили в тюремную больницу. Я только помню, нас выпускали немножко гулять: там огонек горел, папа говорит: «Вот там мама», - и туда показывал. Сколько мы там были, я не знаю. Ну а потом нас уже повезли в Германию. Мужчин отправили в Бухенвальд, женщин с детьми – в Равенсбрюк.



А за несколько дней до нашего ареста внезапно умерла бабушка, мамина мама, жившая у нас нелегально. При любом звонке или стуке в дверь она должна была прятаться в шкаф и ждать разрешения выйти. И вот в один из таких дней бабушкино сердце не выдержало постоянного страха, и она умерла.

Перед моими родителями встала проблема, где и как похоронить бабушку. И даже посоветоваться ни с кем было нельзя. Так и осталась бабушка в шкафу, когда нас арестовали.

...К тому времени, когда нас гнали на вокзал, мама уже поднялась и не расставалась со мной. Нас везли в Германию. Наконец, поезд остановился. Нас стали выводить из вагонов. Стоя на лесенке, я увидела огромную колонну солдат в серо-зеленых шинелях. Мне стало страшно, и я прижалась к маминой руке. Женщин было много, и мы шли в густой толпе. Когда мы подошли к солдатам, мама вдруг вскрикнула и упала. Я подумала, что она умерла. Дико закричав, я зарыдала. Мама не вставала. Толпа продвигалась вперед и тащила меня за собой. Кто-то взял меня за руку, кто-то успокаивал, глядя по голове, но я была безутешна. Я думала, что она умерла. Когда уже подошли к воротам лагеря - я очень хорошо это помню - как мне косы отрезали и какой-то вонючей жидкостью облили. Так я стала узницей концлагеря Равенсбрюк.

Я долго думала, что мама умерла, но обо мне постоянно заботились женщины разных национальностей, «лагерные мамы». А потом одна женщина

спросила у меня: «Ты хочешь видеть маму?». Конечно, я хотела. И она меня взяла на руки и поднесла к окну, где сидела мама.

Оказывается, мама тогда не умерла, а попала в ревир (больничный блок). Вечерело. Заходило солнце. Мама сидела у окна, и ее пушистые волосы светились золотом на фоне заходящего солнца. О чем мы говорили, не помню.

Но мама все время думала обо мне, так как приготовила мне в подарок «игрушки»: щеточку и кусочек фольги. Я была счастлива и, конечно, ничего не подозревала.

А ведь между бараками не разрешалось без дела ходить: за это могли и наказать, и посадить в штрафблок. Но люди все-таки рисковали.

Вторично я видела маму только издали, даже не различив хорошенько ее лица. Больше я ее никогда не видела, но верила, что она живет в ревире. Верила до тех пор, пока однажды при входе в барак Клара (пожилая, седая женщина) не сказала мне: «Стелла, твою маму сожгли». К своему удивлению (теперешнему) я восприняла это сообщение совершенно спокойно. То ли не поверила, то ли так часто слышала о крематории, что уже не реагировала на это. Но я всегда знала, что мою маму сожгли, и, когда меня спрашивали о ее судьбе, говорила об этом. Я даже знала, что за моими ответами последуют слезы и жалостливые слова, от этого становилось смешно, и мой рот поневоле растягивался в улыбке. Я, конечно, просто не понимала смысла этого страшного слова «сожгли». Ведь мне было тогда только 5 лет.

...Мамы не стало, но меня в лагере всегда оберегали женские руки, и я постоянно чувствовала их заботу. Так как я осиротела, мне приходилось постоянно жить в разных бараках. А это было запрещено. Хорошо помню, как женщины прятали меня от надзирательниц.

...Вот у входа в барак – эсесовцы с собаками. Как спасти ребенка? Одна из женщин сажает меня в мешок и, рискуя жизнью, пронесит мимо них. Мы чуть не столкнулись в дверях. Я с любопытством смотрю в дырочку мешка, не понимая опасности.

...А вот я заболела скарлатиной. Тяжело заболела. Почти все время лежала в беспомощности. Но, когда бы ни приходила в себя, всегда у моего изголовья сидела женщина с кружкой воды.

Помню, я никогда не ходила в полосатой одежде, потому что на таких маленьких у них этих полосатых не было платьев. У меня была юбочка на ляпочках и кофточка с коротким рукавом. Холодно, жарко – все равно. Ну и нашивали винкель¹, такой треугольный, на грудь и на рукав. И даже такие маленькие были «политические». И вот у меня в документе есть «Политическая», потому что национальности не той. Ведь у евреев национальность идет по матери, а не по отцу. А мама была еврейкой. Значит, написано «Политическая» - еврейка.

SERVISE INTERNACIONAL DE RECHERCHES
INTERNATIONAL TRACING SERVICE
INTERNATIONALER SUCHDIENST

D - 5848 AROELZEN
TEL. 06841 1041 - 790 151 - 790 151 No 584848/4 Date: Dec 1, Juni 1967

EXTRAIT DE DOCUMENTS	EXCERPT FROM DOCUMENTS	DOCUMENTEN-AUSZUG
Il est certifié par la présente que les indications suivantes sont conformes à celles des documents originaux en possession du Service International de Recherches et de Tracés en vertu des articles 1 et 2 de son Statut.	It is hereby certified that the following information is cited exactly as they are found in the documents in the possession of the International Tracing Service. It is not permitted for the International Tracing Service to change original entries.	Es wird hiermit bestätigt, daß die folgenden Angaben den Unterlagen des Internationalen Suchdienstes originalgetreu entnommen sind. Der Internationale Suchdienst ist nicht berechtigt, Originalangaben zu ändern.
Name: KUGELMANN -/-	Prénoms: Skalla -/-	Nachname: Kugelmann -/-
Date de naissance: 29.7.1930 -/-	Date de naissance: nicht angeführt -/-	Geburtsdatum: nicht angeführt -/-
Profession: nicht angeführt -/-	Profession: nicht angeführt -/-	Beruf: nicht angeführt -/-
Adresse: nicht angeführt -/-	Adresse: nicht angeführt -/-	Wohnort: nicht angeführt -/-
Etat civil: In Lager Malines -/-	Etat civil: nicht angeführt -/-	Stand: nicht angeführt -/-
Autres renseignements: "polit." ("politisch"), "Sévir" -/-	Autres renseignements: nicht angeführt -/-	Andere Angaben: nicht angeführt -/-
<p>am 22.10. Dezember 1945 mit Transport Z/85 zum Konzentrationslager Ravensbrück, MafNungs-Numer 25622. -/-</p> <p>Die MafNungs des Konzentrationslagers Ravensbrück wurden am 30. April 1948 durch die sowjetische Armee befreit. -/-</p>		

H. Siebel
für die Archive

K. Gensch
für die Archive

Перевод с немецкого языка.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СЛУЖБА ПОИСКА

D-5848 АРОЕЛЗЕН

Имя № - 790 151	Имя № 584848/4	Ароелзен, 1.6.1937г.
Фамилия: КУГЕЛЬМАНН	Имя: Сталла	Национальность: еврейка
Дата рождения: 29.7.1930г.	Место рождения: -/-	Религия: -/-
Имена родителей: -/-		Профессия: -/-
Последнее место: -/-		Семейное положение: -/-
Адрес(а): -/-	Где: -/-	Имя: -/-
Доцент(а) в концлагере: Малленс		Литературный №: -/-
Коды: -/-	Откуда: -/-	Имя: -/-
Категория: "политическая," "Севир"		
Переведен(а): 12/16 декабря 1943 транспортом Z/85 в концлагерь Ravensbrück, литерат. № 25622.		
Другие данные: не имеется.		

заключенные концлагеря Ravensbrück были освобождены 30 апреля 1948г. русской армией.

ДИРЕКТОР - НАЧАЛЬНИК АРХИВА -
Х.Забель И.Гурьяков

Переводчик: Мещуров Е.П.

...Мы, дети, как и взрослые, были вечно голодны. Хлеб казался нам лучшим лакомством. Но даже того хлеба, пополам с опилками, мы никогда не получали

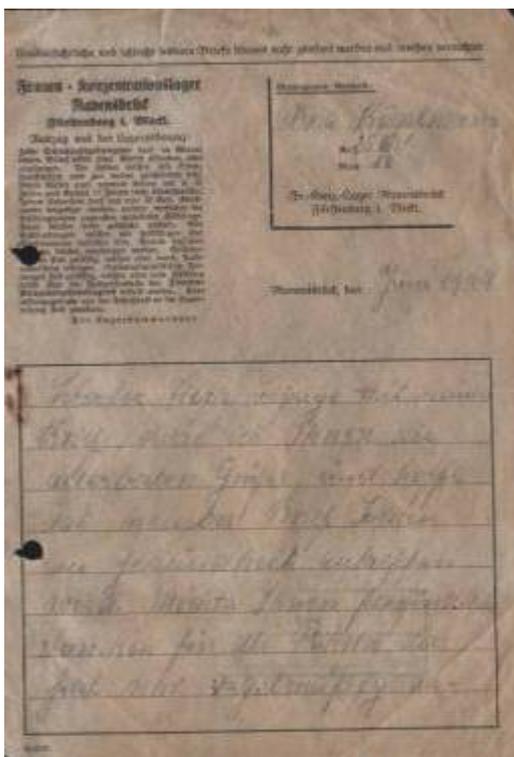
¹ Винкель — перевернутый треугольник из разноцветной материи, нашитый на тюремную робу заключённого, чтобы лагерная охрана легко могла распознавать принадлежность к определённой категории.

столько, чтобы насытиться. Да и этот крошечный кусочек просто так есть было нельзя. Хлеб прилепляли к железной печке – бочке, стоявшей в бараке, и, когда он немного подсыхал, - ели – каждый свой кусочек. Я поступала как все. Но, съев свой кусочек, была голодней прежнего. Воровато оглянувшись, я подбиралась к печке и, видя, что никто не обращает на меня внимания, отрывала чужой кусочек, залезала под кровать и там его съедала. Так я делала 2, а то и 3 раза. Кто-то оставался без хлеба, и я ждала заслуженного наказания, но, к моему удивлению, меня никто никогда даже не ругал. И только теперь, сама став матерью, я поняла: женщины все видели, но оставались голодными, жалея ребенка.

Не таковы были наши мучители, особенно эсэсовки. Помню солнечный весенний день. Мы, ребятишки, вышли погреться на солнышке у барака. Никаких игр мы не затевали: одни были больны, другие – слишком слабы для этого.

И вот, мимо нас, виляя бедрами и поигрывая сеткой с хлебом и салом, идет эсэсовка. Хлеб (белый!) и сало не завернуты. Она останавливается перед нами. Мы все цепенеем. Такого богатства, такой необыкновенной еды мы давно не видели. А эсэсовка стоит перед нами и вертит сетку с едой. Еда притягивает нас, как магнит железо. Мы невольно, не отрывая глаз от хлеба, начинаем придвигаться все ближе и ближе. Эсэсовка улыбается, как будто поощряет нас. И мы начинаем верить, что она даст нам по кусочку. Дети стоят рядом, не в силах оторвать глаз от того, что их так влечет. Но тут происходит неожиданное. Эсэсовка размахивается и ногой, обутой в хорошо вычищенный сапог, отбрасывает одного из нас. Он летит кувырком, а все остальные разбегаются в стороны. Но фашистка не уходит. Она хохочет и стоит на месте, потряхивая сеткой. И такова сила хлеба и голода, что, несмотря на полученный урок, мы снова собираемся в кружок. Нас неотрывно тянет к хлебу. Снова удар - и очередная жертва отлетает в сторону. И так несколько раз, пока эсэсовке не надоело забавляться беззащитными голодными детьми.

...Даже для нас, детей, уже не было секретом, что Красная армия близко. Часто слышалась канонада. А однажды загудела сирена и женщины радостно закричали: «Русские самолеты! Русские самолеты!» Все высовывались в окна, махали руками, платками, кричали, плакали, обнимались.



В лагере стало беспокойно. И в это время пришла открытка от моего отца, из которой стало известно, что он попал в Бухенвальд. Я бегала по лагерю, спрашивала женщин и волновалась, кто же ответит отцу? Но всем было не до меня. Лагерь должен был эвакуироваться. Женщины ходили к коменданту просить о детях. Он разрешил взять нескольких. Нас, детей, вместе с вещами везли на лагерной телеге. Однажды ночью началась страшная перестрелка, а утром, когда рассвело, выяснилось, что эсэсовцы исчезли. Но и своих освободителей мы не увидели. Мы продолжали двигаться походной

колонной вперед. Еды почти не было, а то немного, что удалось достать, женщины отдавали детям.

...Как-то остановились отдохнуть на большом поле, покрытом свежей травкой и небольшими кустами. Светило солнце. У всех было приподнятое настроение. Говорили о близкой победе, о том, что все поедут по домам. В это время над нами очень низко пролетело несколько советских самолетов. Легко можно было рассмотреть не только красные звезды на крыльях, но и летчиков, машущих нам. Женщины вскочили, обнимаясь и плача от радости. Не успели снова сесть на траву и немного успокоиться, как вдруг появились фашистские самолеты. Они летели так же низко, летчики не могли не видеть, что на поле только женщины и дети, но начали поливать нас пулеметным огнем. Все бросились врассыпную. Меня подхватила какая-то женщина и сунула головой в куст. Было страшно, меня трясло, но потом любопытство превозмогло страх. Подняв голову, я стала следить за самолетами, пробыли они недолго. Но сколько женщин и детей навсегда остались лежать здесь, убитые жестоко и бессмысленно!

...Довольно долго еще скитались мы по дорогам Германии. Однажды вечером нас настигла страшная бомбежка. Громыхали бомбы, рвались снаряды...

Женщины разбежались, спрятались, а дети остались в телеге посреди дороги. Сбившись в кучу, мы дрожали и плакали. А вокруг был кромешный ад. И вдруг, неожиданно, для нас, уже потерявших всякую надежду, у телеги появилась женщина. Она быстро схватила нас - кого на руки, кого за руку, и побежала с нами в укрытие. Это была Олимпиада Алексеевна Черкасова, тоже узница Равенсбрюка, которую мы в лагере даже не знали. Не один месяц мы, Нина Селидевская и я, провели с ней. Она опекала нас, как мать. С нею мы прожили несколько месяцев, полных разных, не всегда приятных, событий.

...Много дней брела наша толпа к советской границе.

Помню, мы жили в польском городке при воинской части, где работала наша спасительница. Мы с Ниной, как и все дети, очень любили конфеты, которые тогда называли «русскими»: они делались в виде горочки или фигурок. Однажды нам подарили такого «сахарного человечка». И мы стали делить его. Она-то постарше – ей больше. Нина говорит: «Тебе ножка, мне ножка, тебе ручка и мне ручка, тебе головка, а мне тельце». Но я же вижу, что что-то не то. Вроде поровну, но тельце вон какое! Я, помню, заплакала, а в чем дело – так и не поняла.

После многих приключений тетя Липа - наша спасительница привезла нас с Ниной к себе на Родину в Советский Союз, в город Брянск. Там она сдала нас в детский дом, а сама уехала разыскивать своего сына, потерявшегося на бесчисленных дорогах войны.

Многих сирот собрала после войны детские дома. Здесь мы жили, учились и ... ждали. Каждый надеялся, что он - не сирота, и родители его обязательно отыщут.

Наш дом стоял на высоком берегу Десны. С него хорошо просматривалась дорога на станцию. Кто-нибудь из детей всегда сидел на «наблюдательном пункте» и подавал сигнал при появлении незнакомого человека, направлявшегося к детскому дому.

Но счастливые случаи бывали редко ...

За все 10 лет, что я провела в детдоме, с родителями встретилась, увы! немногие.

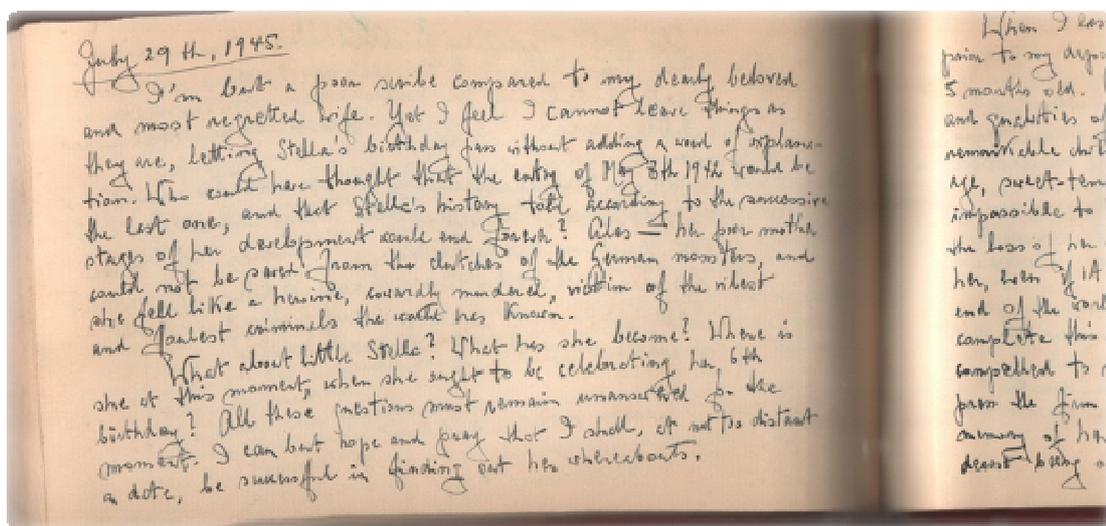
Нам так не хватало материнской ласки и простого человеческого внимания. Когда становилось совсем невмоготу, я убегала на станцию, садилась в поезд и «зайцем» ехала в Бежицу. Там, в маленьком одноэтажном доме жила тетя Поля Парфенова - племянница Олимпиады Алексеевны, с которой я была в лагере. У нее был муж, четверо детей, и жила она очень скудно, но встречала она меня всегда ласково и приветливо. Мы сидели на лавку у тёплой печки, и тетя Поля, обняв меня, расспрашивала о жизни. Посидев у нее часок, как бы выкупавшись в доброте и ласке, я торопилась в детдом, пока меня не хватились.

А еще вспоминаются наши вечерние «посиделки». Возникали они стихийно и именно тогда, когда отключали электричество. Воспитатели уходили, мы оставались одни и никто не мог нам помешать, никто не мог нас услышать. Сдвигалось 2-3 кровати, на них, закутавшись в одеяла, усаживались девочки. И начинались рассказы о мамах, реже о бабушках. Одна рассказывает, остальные, обливаясь слезами, слушают. Девочки вспоминают все: случаи из довоенной жизни, разные, дорогие сердцу мелочи, подарки, даже наказания; кто как был одет, кто что сказал, кому что купили, праздники, будни - все! Кончает одна, эстафету подхватывает другая, каждый рассказ внимательно выслушивают, и каждая старается припомнить что-то такое, чего не было в жизни других, может быть, даже немного фантазируя. Но мои воспоминания настолько отличались от воспоминаний остальных девочек, что я не смела и рот разинуть.

... И вот мне исполнилось 16 лет. Предстояло важное событие - получение паспорта. А вместе с паспортом - постоянной фамилии, имени, отчества. Я же знала только свое имя... Изобретаем фамилию, год, месяц и место рождения. Год рождения -1939, месяц -1 мая: «чтобы весь мир праздновал день моего рождения». Место рождения - город, где прошло мое детство. Но как же быть с отчеством? Мне предлагают разные. Но тут я была капризна. Предлагают имя Сталина. Пробую: Стелла Иосифовна. Не нравится. Имя Ленина. Пробую: Стелла Владимировна. А что - звучит! Так и стала я Стеллой Владимировной.

... Шли годы, отец не находился, а я все равно продолжала верить - жив, найдется. И вот уже взрослой, прочитав две книги о Равенсбрюке, я начала писать бывшим советским узникам, надеясь, что кто-нибудь из них помнит мою погибшую мать. Женщины не помнили.

Но летом 1961 года в Москве произошла встреча советских и немецких узниц-антифашисток концлагеря Равенсбрюк. Там познакомилась я с руководительницей немецкой делегации Эрикой Бухман. Она помнила меня малышкой в лагере и сказала, что знает женщину-бельгийку, тоже бывшую узницу Равенсбрюка, хорошо знавшую мою мать. Вскоре Эрика прислала мне адрес мадам Клер ван ден Боом. Я тотчас написала Клер письмо где описала то немногое, что помнила и хранила в себе годами. Пришел ответ с просьбой прислать свою фотографию. Я срочно ее послала и почти радостно стала ждать. Наконец, 22 декабря 1962 года пришло письмо, перевернувшее всю мою жизнь. «Милая девочка,- писала Клер,- ты так похожа на своих родителей, что сомнений и быть не может». Она писала, что отец долгие годы искал меня. Сообщила его адрес.



Выписка из дневника моей мамы, последнюю запись в котором сделал мой отец после освобождения:

«29 июля 45го года, - то есть мой день рождения, - я жалкий писец по сравнению с моей горячо любимой и бедной женой, всё же я чувствую, что не могу оставить всё как есть, не добавить хотя бы слово в День Рождения Стеллы. Кто мог подумать, что 8 мая будет последний день в ее истории, рассказанной последовательно по стадиям ее развития. Увы, ее бедную мать не удалось вырвать из когтей немецких чудовищ. Она погибла, как героиня, трусливо убитая,

жертва самых подлых и отвратительных преступников, которых когда-либо знал мир. Как теперь Стелла, что теперь с ней? Где она в данный момент, в день ее 6-летия? Все эти вопросы в данный момент остаются безответными. Я могу лишь молиться и надеяться на то, что в недалеком будущем мне посчастливится найти ее местонахождение. Когда я последний раз видел ее 13 ноября 43го года в лагере Малин перед моей отправкой в Бухенвальд, ей было 4 года и 5 месяцев. Она была очень милой, наделенной красотой и чертами характера своей любимой матери. Несомненно, она была замечательным ребенком, поразительной по своей внешности, исключительно умной для своего возраста, доброй и нежной. Конечно, невозможно узнать, как она развивалась после смерти матери. Но если она жива, я найду ее, даже если придется идти на край Земли. Надеюсь, что в будущем я смогу закончить эти строки менее трагически, чем я теперь вынужден это сделать. В День Рождения Стеллы я выражаю твердую надежду, что вскоре я найду ее и мы воздадим честь и память ее покойной матери, которая для меня и Стеллы была самой любимой на свете».

Я получила адрес отца. Он жил в Бразилии, в г. Сан-Паулу. Между нами завязалась оживленная переписка, а спустя несколько месяцев, в сентябре 63го года, мы смогли встретиться и обняться. Обняться ровно через 20 лет!



Отцу моему с огромной любовью

Мы с тобой увиделись впервые

Через двадцать долгих-долгих лет.

Мы с тобой увиделись...

Впервые глаз твоих увидела я свет.

Горя было много, много счастья.

Жил ты далеко, в другой стране.

Знаю я не только в дни ненастья,

Думал ты нередко обо мне.

Мы с тобой увиделись впервые,

Счастье нам огромное дано.

Я узнала, наконец, родные

Ласки и отцовское тепло.

Далеко живем мы друг от друга.

Широко раскинулась земля.

Но мы рядом, есть такое чудо –

Мыслями мы вместе: ты и я.

20.07.1964, Новозыбков

Мне очень хотелось посетить Бельгию и особенно город моего раннего детства - Антверпен. Ведь каждого человека тянет в те места, где он родился. И вот моя мечта сбылась. Всебельгийское общество бывших заключенных Равенсбрюка, возглавляемое мадам Клер ван ден Боом, пригласило меня в Бельгию. Жила я у Клер. Почти ежедневно мы навещали наших бывших узниц, и все женщины были так ласковы, так нежны со мною, будто я была их родной дочерью. Многие из тех, кто знал мою мать, рассказывали о ней. Из отдельных, разрозненных картин сложился такой портрет, что душа моя кровью обливалась, понимая: никогда больше не увидеть, не почувствовать мне близость такого человека, каким была моя мама. Анн-Мари, хорошо владеющая русским языком, сказала мне однажды: «Милая девочка, ты за 4 года жизни получила от своей мамы столько любви и тепла, что тебе их хватит на всю жизнь». И это правда. С каждым прожитым годом я убеждаюсь в справедливости ее слов.



*Матери моей, сожженной в печах крематория концлагеря смерти
Равенсбрюк*

Высечены в памяти моей

Дни, которых нет дороже.

И пробегают холодок по коже,

Когда поймешь, что это только в памяти моей.

Тепло руки и ласковое слово

И бесконечно нежный мамин взгляд.

Ее не воскресишь, и пробегают холодок по коже

Всё так же, как десятки лет назад.

Всё живо, никуда не делось.

И боль жива, жива любовь.

И кажется, скажи вслух ласковое слово,

И мама улыбнется вновь.

Всё наяву, всё четко, ясно видно:

Ей 30 лет, а мне 4 года,

Всё та же солнечная, ясная погода...

А ведь прошло уж 40 лет.

Пусть маму уж никто не помнит.

Но я – пока жива, она всегда со мной.

В дни радости, тревог, сомнений

Мы крепко связаны единою судьбой.

Июль 1984, Ленинград

Через 5 лет после смерти отца в 1994 году я побывала на его могиле и в квартире, где он проживал. Я нашла там много документов, фотографий, открыток и других дорогих мне вещей. Даже открытка есть, где бабушкины сестры поздравляют меня с 3-летием. Пишут: «Милая маленькая Стелла, поздравляем тебя с Днем Рождения, желаем тебе много лет встречать этот день в кругу своей

семьи». Помню, как мы к этим бабушкам ходили...они где-то в пригороде жили. Помню эту суету, зачем-то им надо было открыть окно, а оно не открывалось: видно, холодно было. Вот она наматывает тряпку, открывает – это мне запомнилось. Глупости всякие запоминались, а то что нужно было бы помнить, о том я напрочь забыла. Помню, что я очень не любила помидорный суп. Прыгала с колен мамы и убегала на четвереньках. Я уже ходила, но мне казалось, так быстрее. Папа это мое воспоминание подтвердил.

Я сама давно мама, и мои дети выросли без войны. Но растоптанное войной собственное детство, горькое сиротство забыть невозможно. И я мечтаю только о том, чтобы никогда-никогда ничьи дети на нашей Земле не переживали того, что несет с собою война.

Поверьте - это очень страшно...

**Воспоминания записали и оформили
Анастасия Кудрец и Екатерина Егорова.
2012-2013гг.**